

Тан Чжао не сразу приняла решение, немного поколебавшись, прежде чем произнести:

— Давайте сначала отведём их обратно. Перед тем как передать властям, нам нужно задать несколько вопросов.

Сказав это, она оглянулась, её взгляд в ночи казался холодным:

— Но для допроса хватит трёх-пяти человек, остальных оставлять не стоит.

Лянь Цзинъяо, услышав, что та без лишних слов готова убить, не выразила особого удивления. Атаманша разбойников, выдавшая многое, лишь спокойно кивнула:

— Ты права. Если приведём столько людей, я не буду чувствовать себя в безопасности.

Всю ночь в крепости семьи Ма кипела работа, все были заняты подсчётом трофеев, довольные и полные энергии. Однако в маленьком домике крепости клана Лянь Минда чувствовала себя неважно, ведь она почти не спала. Частично из-за бдительности, но больше из-за беспокойства за Тан Чжао.

Лишь когда утренний свет начал пробиваться сквозь бумажные окна, стало ясно, что ночь прошла.

Минда встала, отложила кинжал, который держала в руках, и слегка размялась — всю ночь она провела в тревоге за Тан Чжао, но, в целом, её никто не беспокоил, пока атаманша отсутствовала.

С рассветом напряжение и беспокойство в её сердце словно рассеялись. Она перекусила, налила себе чая из маленького чайника, который стоял на огне, и, сделав глоток, почувствовала, как тепло разливается по телу, принося облегчение.

Её напряжённое выражение лица смягчилось. Позавтракав, она достала бинты и лекарства.

Раны заживали хорошо, и теперь она могла ходить без проблем, но, учитывая их глубину, полное выздоровление займёт не один день. Поэтому ей всё ещё нужно было быть осторожной и ежедневно менять повязки. Раньше этим занималась Тан Чжао, и Минда ни разу не прикасалась к своим ранам сама.

Развязав одежду и сняв бинты, она впервые внимательно рассмотрела свои раны. Тёмно-красные струпья на её животе резко контрастировали с бледной кожей, создавая пугающее зрелище.

Раны были большие и глубокие, и после заживления, несомненно, останутся шрамы, которые будут выглядеть некрасиво...

Минда надула губы, надеясь только на то, что секретное средство из дворца сможет избавить её от шрамов. Погружённая в мысли, она без труда сменила повязки, подражая действиям Тан Чжао.

Закончив, она убрала всё на место и невольно взглянула на единственный шкаф в комнате — именно оттуда Тан Чжао достала кинжал. Она не помнила некоторых событий прошлого, но этот кинжал казался ей знакомым, и её охватило любопытство: что же произошло до того, как она получила ранение?

Минда никогда не была человеком, который мог долго терпеть любопытство, особенно когда дело касалось Тан Чжао. Она привыкла к тому, что может вести себя свободно с ней, и не считала, что копаться в её вещах — это что-то серьёзное. Даже если она наделает беды, всегда можно будет извиниться.

Маленькая принцесса, недолго думая, открыла шкаф. Внутри всё было на виду: несколько зимних вещей, которые Тан Чжао недавно купила, и два свёртка.

Минда сначала потрогала большой свёрток, почувствовав, что внутри что-то мягкое, вероятно, одежда. Это её не заинтересовало, и она перешла к меньшему свёртку. Взяв его в руки, она ощутила что-то твёрдое и немного тяжёлое... Её любопытство разгорелось, и она интуитивно почувствовала, что этот свёрток принадлежит ей.

Не раздумывая, принцесса взяла свёрток и подошла к столу, чтобы развернуть его.

Внутри оказались вещи, которые явно принадлежали ей — печать, жетон, деньги и маленькая коробочка, которая выглядела менее заметной.

Минда сначала взяла жетон, посмотрела на него и почувствовала, что он ей знаком. После долгих раздумий она вспомнила, что это жетон для вызова войск. Она испытала шок, не ожидая, что её отец и брат доверили ей такую важную миссию — не только отправить её инспектировать Маочжоу, но и дать жетон для вызова войск... Неужели отец стал таким беспечным?!

Принцесса с тревогой положила жетон обратно и взяла печать. Она посмотрела на выгравированные на ней иероглифы и замерла, прошептав:

— Старшая принцесса? Как это возможно?!

Дочь императора носит титул принцессы, сестра императора — старшей принцессы, а тётя императора — великой старшей принцессы. Хотя все они называются принцессами, добавление одного иероглифа меняет значение титула.

Сердце Минды забилось сильнее, и её охватила странная тревога, заставившая снова отложить печать.

Некоторое время она смотрела на вещи на столе, невольно прошептав:

— Что всё это значит? Может, это Атин брат оставил их здесь, чтобы подшутить надо мной?

Но она сама не поверила своим словам.

Чуть позже её взгляд упал на единственную ещё не открытую коробочку, которая, возможно, скрывала больше секретов. Поколебавшись, она всё же не смогла устоять перед любопытством и потянулась к ней.

Коробочка была закрыта простой защёлкой, без замка, и, взяв её в руки, Минда почувствовала сильное чувство знакомства. Оно было гораздо сильнее, чем при взгляде на кинжал, как будто кинжал просто принадлежал ей, а эта коробочка была чем-то, что она часто держала в руках, что вызывало у неё особый интерес.

Что же внутри?

С полным любопытства сердцем Минда открыла коробочку, но, увидев содержимое, снова замерла — внутри лежал пучок засохшей травы с тёмными пятнами. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что это не просто трава, а засохший травяной кузнечик. Присмотревшись, она заметила что-то знакомое.

Это травяной кузнечик, которого сплел Атин брат! Минда сразу узнала его, но не могла понять, почему она так бережно хранила эту вещь. И что за тёмные пятна на нём?

Она взяла кузнечика в руки, испытывая лёгкое отвращение, особенно к тёмным пятнам, которые казались ей особенно неприятными. Она собиралась выбросить его, но почему-то не смогла, и в её сердце разлилась глубокая печаль.

Когда Тан Чжао вернулась в крепость клана Лянь, был уже полдень, и зимнее солнце лениво освещало землю.

В крепости семьи Ма ещё оставались дела, такие как учёт запасов и набор новых людей, на завершение которых уйдёт ещё день или два. Однако Тан Чжао ранее обещала Минде вернуться к полудню, и, чтобы не беспокоить её, она поспешила вернуться с группой слегка раненых людей.

В крепости, кроме третьего атамана, оставшегося присматривать за домом, все остальные ушли в крепость семьи Ма. Вернувшись, Тан Чжао сначала поговорила с третьим атаманом, а затем направилась к своему дому.

Подойдя к двери, она сначала толкнула её, убедившись, что она крепко закрыта, а затем постучала:

— Минда, я вернулась, можешь открыть.

Минда открыла дверь мгновенно, почти сразу после стука. Не дожидаясь, пока Тан Чжао войдёт, она бросилась в её объятия, крепко обняв с такой силой, что, казалось, готова была сломать кости.

<http://bllate.org/book/15453/1371008>